

Борис Иванов,
народный артист РСФСР:

Вспоминная друзей боевых

...БАТАЛЬОН получил приказ «оседлать» дорогу. Закрепились прочно, отрыли три эшелона оборонительных линий, прорваться гитлеровцам никак не удавалось. Тогда враг призвал на помощь авиацию. Три дня бомбили вражеские самолеты позиции батальона. Каждое утро ровно в восемь ноль-ноль над головами раздавался злоеющий гул моторов и начинался ад, который описать невозможно. Земля есть земля, и сколько в нее ни зарывайся, при прямом попадании она не спасет.

Задание батальон выполнил, продвижение врага было задержано, но когда пришел приказ об отступлении, под командованием молоденького старшего лейтенанта, начальника штаба, в полк вернулось лишь девятнадцать бойцов. Выйдя после доклада от командира полка, старший лейтенант увидел около штаба капитана, лицо которого показалось ему знакомым. «Борька, артист, живой! — вдруг просиял капитан. — А мне сказали, что тебя убили». — «Алька, как ты здесь очутился?» — «Тебя выручать прибыл, дивизион «катюш» призвал». — «Поздно», — вздохнул капитан. — «Ничего», — понимающе кивнул капитан, — еще пригожусь, дай срок».

Так военная судьба столкнула за тысячи километров от родного дома двух школьных товарищей. Договорились встретиться через час.

Старший лейтенант шагал бодро: ему посчастливилось выйти живым из лекла, впереди ждала передышка, встреча с одноклассником, пусть короткий, но все-таки отдых в тылу — прекрасная жизнь! Над пустынной дорогой привычно торчала смертельно надоевшая «рама» — так называли солдаты немецкий самолет-разведчик. Его загудный стрекот вызывал ощущение зубной боли. «Уж лучше стреляй бы, что ли», — мелькнула в голове досадливая мысль, — чем так висеть над душой». Он по опыту знал, что самолета-разведчика опасаться нечего — без поддержки истребителей снижаться тот не решался и на одиночные цели боезапас предпочитал не тратить. Кто знает, что вдруг

взбрело в голову фашистскому летчику на этот раз? То ли со злобы из-за неудачно выполненного задания, то ли еще по какой причине, только не пожалел он для одного человека целой кассеты. Острой, невыносимой боли, которая непременно связывается в нашем представлении с тяжелым ранением, старший лейтенант не почувствовал — просто ощущение, что по телу ударили тугой подушкой, и запах гари, как от непрогоревшей печки...

...ВОСКРЕСЕНЬЯ двадцать второго июня 1941 года выпускник Одесского театрального училища Борис Иванов ждал с особым нетерпением: на этот день был назначен показ дипломного спектакля. Мечта юности сбылась, он уже без пяти минут артист с новеньким дипломом в кармане. Мог ли он предполагать в то светлое утро, что между его первым выходом на сцену (спектакль тогда, хоть и при почти пустом зале, все-таки отыграли) и следующим будет разрыв длиной почти в три года? Лишь после тяжелейшего фронтного ранения и долгого лечения в госпиталях Борис Владимирович Иванов, ныне народный артист РСФСР, вновь вышел на сцену сначала в Рыбинске, а потом в Москве. С тех пор все эти годы он работает в одном, ставшем для него настоящим родным, Академическом театре имени Моссовета, много снимается в кино, на телевидении, читает на радио. Казалось бы, вечная занятость, разнообразие и спешка актерской жизни, пестрая толпа сыгранных персонажей должны были отдалить, притушить воспоминания о военных событиях далеких лет, участником которых ему довелось быть. Но нет, те дни и ночи накрепко врезаны в память, высветены в ней негаснущим светом.

— К ОНЕЧНО, — рассказывает Борис Владимирович, — известие о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну поразило, но не ошеломило и не испугало. Я говорю, разуме-

ется, о молодежи, ведь все мы с детских лет были воспитаны в неколебимой уверенности в мощи и силе нашей Красной Армии, в ее способности дать быстрый и сокрушительный отпор любому врагу. Да, именно быстрый и сокрушительный, никто из нас в этом ни секунды не сомневался.

Сразу же после объявления мобилизации мы, молодые артисты, записались в истребительный батальон по борьбе с диверсантами и подали заявления об отправке нас в действующую армию. Ответа пришлось ждать недолго. Уже в начале июля воинский эшелон увозил меня из родного города. Потом были ускоренные курсы по подготовке комсостава, откуда я получил назначение на Северо-Западный фронт. Когда прибыл туда, там уже стояла настоящая зима — она в тот год была необычно ранней и суровой. Казалось, еще вчера гулял я по солнечной, нарядной Одессе. Плескалось у ног теплое море... И вдруг — холодный Север, заморзшие болота, сожженные деревни, голодные, измученные люди... А главное — война.

За пополнением, среди которого находился и я, из батальона пришел сам комбат. Построив бойцов, он показал мне на карте место, куда мы должны были прийти, и сказал: «Команду поведешь ты, а я пойду вместе со всеми».

Я понимал, что он устраивает мне проверку — каков на деле окажется присланный новый начальник штаба, на что он годится, чересчур уж молод на вид. Сориентировавшись, как учили, по карте и компасу, я двинулся в путь. Вскоре — развилка. «Куда теперь?» — спрашивает комбат. «Сюда», — отвечаю, — направо. «Ну, vedi», — усмехается он. Потом еще одна развилка, и еще. Я еду — он молчит. Только когда вывел отряд в точно указанное место, скуп похвалил: «Молодец, старший лейтенант, а то один вчера чуть не завел людей вон туда, к немцам».

Вот так, без лишних слов и длинных наставле-

ний, мудрый комбат на наглядном примере сразу же дал мне почувствовать всю меру ответственности, которую я как командир отныне принимаю на свои плечи. Права на ошибки у меня не было и быть не могло, потому что на войне за ошибку командира расплачиваются вместе с ним и его подчиненные, причем часто своей жизнью. Этот огромный, почти физически ощутимый груз ответственности был, конечно, очень тяжел и непривычен для меня, но в то же время именно он, как я сейчас понимаю, помог мне выдержать, не сломаться, упрямо, с полной отдачей сил и воли делать свое дело, невзирая на всю сложность обстановки и условий.

А обстановка в ту зиму на нашем фронте, как, впрочем, и на других фронтах, сложилась далеко не благополучная. Немцы остервенело рвались вперед, наступившие холода подстегивали их желание покончить войну одним мощным ударом, перспектива провести зиму в промерзлых окопах им совсем не улыбалась. Отсюда и ожесточенный напор их наступления.

Наша седьмая Гвардейская Краснознаменная дивизия к тому времени уже имела за плечами славный боевой путь. Сформированная в Подмоскovie, она стойко, до последнего сражалась под Смоленском, потом насмерть держала оборону под Москвой, в районе ставшей знаменитой деревни Крюково. Обескровленная, понесшая огромные потери, была отведена на переформирование, после чего переброшена на Северо-Западный фронт и здесь тоже не уронила воинской чести.

Мне часто вспоминается передний край, каким я впервые увидел его там, на Северо-Западном. Ночью прошел обильный снегопад, а утром — нежная голубизна неба, ослепительно сверкающий на солнце свежий, нетронутый снег, опущенные инеем деревья и кусты — прямо-таки бибинская картинка в натуре, сказочно красивый пейзаж. Трудно было постигнуть разумом, что

среди такой красоты с тобой может произойти что-нибудь плохое.

Вдруг загрохотали немецкие пушки, земля встала дыбом, и снег покрылся клочьями пороховой гари и пятнами крови, потом залаяли сначала в отдалении, а затем все ближе, ближе вражеские автоматы — война ощерилась своими зубами, и теперь уже красота, покой стали казаться в этом грохочущем мире нереальными, призрачными. Вот в чем, по-моему, заключается одна из самых страшных сторон войны — она заставляет человека жить и поступать по своим, бесчеловечным законам, возводя противоестественное в ранг единственно возможного, необходимого, убивая человека духовно раньше, чем физически.

Мне приходилось смотреть в лицо смерти, скажу без ложного героизма, — это малоприятное чувство. Но за лицом смерти я видел другое, более страшное лицо — лицо самой войны, потому что она несла смерть не только мне, старшему лейтенанту Иванову, но и миллионам таких солдат и лейтенантов, и моим родным, близким, всему народу, наконец.

Мы боролись не против какой-то определенной нации, а против фашизма, его бесчеловечной сущности. Продолжаем бороться и сегодня, пример тому — последовательные усилия, прилагаемые нашей страной за сохранение мира на планете.

...ЛЕТ через двадцать после Победы он получил письмо, написанное капитаном, его школьным товарищем, с которым неожиданно и ненадолго свела фронтовая судьба перед самым ранением. «Здравствуй, Боря, — писал капитан. — Недавно узнал, что ты жив и здоров, живешь в Москве, работаешь в театре. Очень рад за тебя. Ты извини, что я тогда, весной сорок второго, не смог прийти на встречу, как мы договорились. Дело в том, что я в тот день был тяжело ранен...».

И, правда, уж столько лет прошло, а до сих пор вспоминают то время, и просто не верится, что выпало счастье вернуться домой живыми...

Записал
В. ЕРШОВ.